

С. В. Рудакова¹,

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
rudakovamsu@mail.ru*

**К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
А. С. ПУШКИНА О СЧАСТЬЕ В ЕГО РАННЕЙ ЛИРИКЕ²**

Основное внимание в работе сосредоточено на анализе представлений А. С. Пушкина о счастье, которые отражены в его ранней лирике. Жизнелюбие и оптимизм Пушкина определяют и его позицию в отношении к счастью. В исследовании показано, что поэт, безусловно, учитывает богатейший опыт, накопленный в мировой культуре в интерпретации феномена счастья, но, даже следуя за другими, поэт формирует собственное видение и понимание счастья, что отражает в своем творчестве. В работе анализируются стихотворения, в которых проявляется увлечение юного Пушкина гедонистической философией. Рассмотрены и составляющие эпикурейского счастья для лирического героя поэта: культ дружбы и чувственных удовольствий, признание могущества вина, увлеченное обсуждение с друзьями вопросов искусства, свобода от внешних условностей, игнорирование значимости богатства, карьеры, социального статуса, способность творить, понимание того, что счастье пребывает не в материальном мире. Закономерно, что счастье герой Пушкина находит не в столичном городе, где все подчиняется условностям, а в мире сельского покоя. Философия эскейпизма Пушкина определяется влиянием и античных философов, и европейских и русских просветителей, и ранних русских романтиков. Счастье представляется Пушкину состоянием стремительно меняющимся. Принятие факта мимолетности счастья заставляет Пушкина ещё больше ценить это состояние, как и саму жизнь. На представления Пушкина о счастье повлияла и христианская культура, что определяет появление категории страдания в размышлениях о счастье, а также обращение к формуле «Блажен, кто...». Соотносится счастье у Пушкина и с судьбой. Для Пушкина

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

счастье прежде всего не дар богов, а земное переживание, побуждающее человека на поступки, становящееся целью его устремлений.

Ключевые слова: Пушкин, лирика, античность, христианство, гедонизм, эпикуреизм, эскейпизм, счастье.

Проблема счастья – это один из тех вопросов, которые интересуют человека и человечество с древнейших времен. К осмыслению феномена счастья обращались античные философы, закладывая основы фелицитарной теории. Уже в древности счастье начинает восприниматься неоднозначно, формируется несколько подходов к пониманию феномена счастья – эвдемонизм, гедонизм, эпикуреизм, стоицизм [5; 6; 9; 11, 13–66; 14, 51–53; 17]. Представители последующих эпох, развивая мысли предшественников, предлагают свои подходы к интерпретации вопроса о счастье [1; 2; 3; 7; 10; 14; 15, 241–254; 16; 20]. С каждым новым этапом развития общества ответ на вопрос, что же такое счастье, наполняется все новыми смыслами, и каждый новый автор, философ привносит что-то свое в осмысление этого феномена человеческой жизни. Но одной из общих установок, которой руководствуются и философы, и поэты, становится понимание того, что счастье – одна из важнейших целей человеческой жизни. Эту мысль мы можем найти уже у Демокрита: «Цель жизни человека – достижение счастья» [5, 63], развивают её и другие ученые, например, Л. Фейербах утверждает, что «стремление к счастью прирожденно человеку, поэтому оно должно быть основой всякой морали. <...>. Стремление к счастью – это стремление к стремлениям» (Цит. по: [5, 296]).

Не остается в стороне от размышлений о человеческом счастье и А. С. Пушкин. Вопросы о счастье начинают волновать поэта с юности. Жизнь Пушкина счастливой назвать сложно. Он познал печали, страдания, столкнувшись со многими трудностями как личного, так и социального характера, преодолев множество препятствий на своем пути. Но особенность позиции Пушкина проявляется в том, что уже с ранних лет он демонстрирует необыкновенное жизнелюбие и удивительный оптимизм, позволяющие ему видеть мир по-особенному; это качество проявляется в последующем и в его творчестве. Создавая свои произведения, Пушкин отражает в них собственную жизненную философию, заставляя своего читателя поверить в то, что несчастье не вечно, что за печалью следует радость и жизнь в основе своей прекрасна.

В понимании феномена счастья Пушкина опирается не только на свои жизненные впечатления и собственный жизненный опыт, он осмысливает богатейшие традиции мировой культуры

в интерпретации этого явления. Но учитывая опыт предшественников и современников в трактовке этого явления человеческой жизни, Пушкин все-таки предлагает свой собственный взгляд на суть счастья.

Уже в юности обозначаются основные подходы Пушкина к этому феномену бытия, которые в последующем получают развитие в его творчестве. Юность Пушкина приходится на период активного развития, с одной стороны, романтизма, а с другой – легкой поэзии. Как и многие современники, Пушкин увлекается философией гедонизма. Усвоив её основы, поэт в ранней лирике на первый план выводит земные удовольствия, именно их считая самым важным человеческим благом. Счастливый человек для Пушкина этого периода – тот, кто способен предаваться земным радостям, кто с оптимизмом смотрит в будущее, кто способен наслаждаться каждой минутой бытия. Но к гедонистическому пониманию счастья добавляется и эпикурейское отношение к этому явлению. Потому счастливый – это и тот, кто окружен друзьями, вкушает с ними вино, участвует в дружеских беседах, обсуждая во время застолий вопросы поэзии и искусства: *«Нашли к тебе дорогу / Веселость и Эрот; / Ты любишь звон стаканов / И трубки дым густой, / И демон метроманов / Не властвует тобой. / Ты счастлив в этой доле»* («К Пушину») [12, I, 120]; *«И счастлив он, признаться, / На деле, не в мечтах, / Когда минуты мчатся / Веселья на крылах»* («Послание к Галичу») [12, I, 136–137].

Однако уже в 1814 году появляется стихотворение «Блаженство», само название которого заставляет нас понять, что проблема счастья становится в данном произведении определяющей. В основу стихотворения положено шуточное размышление о судьбе влюбленного юноши, который готов принять философию, прославляющую культ чувственных удовольствий, признать могущество вина, благодаря которому можно изменить свое видение мира: *«О могущество вина! / Вдруг сокрылись скорби, муки. / Мрак душевный вмиг исчез! / Лишь фиял к устам поднес, / Все мгновенно пременилось / Вся природа оживилась, / Счастлив юноша в мечтах»* [12, I, 55–56]. Но по итогу этого рассказа Пушкин-лицеист приходит к неожиданному грустному выводу, осознавая несостоятельность выбранной жизненной позиции, задавая себе совсем нешуточный вопрос: *«Как могу счастливым быть? / Я не в силах вечно пить»* [12, I, 56].

И ещё одна важная установка эпикурейской философии осмысливается Пушкиным-юношей и усваивается Пушкиным – зрелым человеком – это понимание того, что счастье человека не зависит

от внешних параметров жизни, от славы, комфорта, не определяется богатством, счастье, как осознает это юный поэт, соотносимо с высокими потребностями души, но никак не с роскошью материального мира. Потому счастье в лирике Пушкина оказывается в чем-то даже противопоставлено всему внешнему материальному. По-настоящему счастливым может быть человек, который способен презреть свет, осознать тщету светских условностей и законов, понять, что важна не карьера, не власть, а способность познавать мир, ощущать жажду жизни, готовность творить: *«Блажен, кто про себя таил / Души высокие созданья / И от людей, как от могил, / Не ждал за чувство воздаянья!»* («Разговор книгопродавца с поэтом») [12, II, 326].

И в стихотворении «Городок» (1815) Пушкин выразительно и точно рисует картину счастливой жизни человека, избравшего для себя подобный образ жизни: он удалился от света, предпочел столичной городской жизни мир деревни, стал жить в покое, посвятив себя творчеству, общению с друзьями и размышлениям: *«И в тишине святой / Философом ленивым, / От шума вдалеке, / Живу я в городке, / Безвестностью счастливом, / Я нанял светлый дом / С диваном, с камельком; / Три комнатки простые – В них злата, бронзы нет, / И ткани выписные / Не кроют их паркет»* («Городок») [12, I, 95–96].

Близко к этому тексту и «Послание к Юдину» (1815), в котором идеализируется подобная жизнь, так как именно она дает возможность человеку, уйдя от роскоши света, погрузиться в собственный богатый духовный мир и ощутить свою самодостаточность: *«Смотрю с улыбкой сожаленья / На пышность бедных богачей / И, счастливый самим собою, / Не жажду горы серебра, / Не знаю завтра, ни вчера, / Доволен скромною Судьбою»* [12, I, 167]. Подобная жизненная позиция не является уникальной. Такой эскейпизм, уход в уединенный сельский мир, свободный от вмешательства государственных институтов, обусловлен влиянием, с одной стороны, идей представителей западноевропейского и русского Просвещения, в числе которых Руссо, Вольтер, А. П. Сумароков, а с другой – русских романтиков, в частности, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского.

Нельзя не принять во внимание и тот факт, что Пушкин был увлечен изучением работ античных авторов, которые также оказали влияние на формирование его взгляда на счастье, заставив задуматься и над этическими вопросами противостояния государственной и индивидуальной жизни. Наверное, поэтому размышляя о счастье, что обретает человек, ощущающий радость от простых забот, что не отвлекают от раздумий о жизни, Пушкин упоминает авторов разных эпох, в равной степени ему дорогих: *«И счастлив в утренних трудах; / Вот здесь под дубом наклоненным, / С Горацием*

и Лафонтеном / *В приятных погружен мечтах*» («Послание к Юдину») [12, I, 168]. Потому описанию философии эскейпизма, возможности обрести тихое счастье вне социальной иерархии на лоне природы в общении с друзьями и в погружении в мир творчества Пушкин посвящает целый ряд своих поэтических произведений, среди которых «Из письма к кн. П. А. Вяземскому» («Блажен, кто в шуме городском») (1816), «Сон» («Пушай Поэт с кадильницей наемной») (1816), «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет») (1817), «Дельвигу» («Любовью, дружеством и ленью») (1817), «Жуковскому» («Когда, к мечтательному миру») (1818), «Уединение» («Блажен, кто в отдаленной сени») (1819), «Из письма к Я. Н. Толстому» («Горишь ли ты, лампада наша») (1822), «Как счастлив я, когда могу покинуть» (1822), «Новоселье» (1830).

Обращает на себя внимание и такая особенность: рассматривая в подобном ракурсе феномен счастья, Пушкин описывает и несколько важных его составляющих – это покой, уединение, тишина, свобода от суеты и всякого рода светских условностей: *«Ты счастлив, друг сердечный! / В спокойствии златом / Течет твой век беспечный»* («К Пушкину», 1815) [12, I, 120]; *«Пусть долее продлится ваш покой, / Завидно мне счастливца наслаждение»* («Сон», 1816) [12, I, 188], *«Дубравы, где в тиши свободы / Встречал я счастьем каждый день»* («Дубравы, где в тиши свободы», 1818) [12, II, 63] и т. д. Обращение к этим состояниям в произведениях, в которых описывается феномен счастья, предопределило, как нам кажется, рождение известного пушкинского афоризма: *«На свете счастья нет, но есть покой и воля»* [12, II, 330], в котором отражено не неверие в счастье, а иное его понимание, идущее вразрез с устоявшимися стандартами. В таком ракурсе трактовка счастья представлена была, например, ещё в «Послании В. Л. Пушкину» (1817): *«Бог создал для себя природу, / Свой рай и счастье глупцам, / <...> / Дурачество для всех, – а нам / Уединенье и свободу!»* [12, II, 252].

Мысли о счастье в проекции не только на частную жизнь человека, но и на общество в целом, волнуют Пушкина с юности. Поэт мечтает о времени, когда общество сможет разорвать опутавшие его сети условностей, освободиться от превратных представлений о жизни и обрести возможность найти дорогу к истинному счастью. Подобные размышления определяют содержание стихотворения «К Чаадаеву» (1818), в котором появляется образ «звезды пленительного счастья», связанной с пушкинским пониманием «вольности святой».

Острее и объемнее состояние счастья подлинно свободного общества переживается и описывается в зрелой лирике поэта. Например, в стихотворении «Андрей Шень» (1825) осознание

свободы, что воцарялась в обществе, рождало в герое ощущение абсолютного счастья: *«Оковы падали. Закон, / На вольность оперишись, провозгласил равенство, / И мы воскликнули: Блаженство!»* [12, II, 398]. А в одном из последних произведений, написанных Пушкины, в стихотворении «Из Пиндемонти» (1836) состояние счастье соотносится именно с возможностью отринуть все социальные условности, что подавляют личность, и реализовать свои духовные устремления в социуме: *««Из Пиндемонти» (1836): «Никому / Отчета не давать, себе лишь самому / Служить и угождать; для власти, для ливреи / Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи; / По прихоти своей скитаться здесь и там, / Дивясь божественным природы красотам, / И пред созданиями искусств и вдохновенья / Трепеща радостно в восторгах умиления. / Вот счастье! вот права...»* [12, III, 420].

Уже в юности Пушкин ощущает счастье как состояние, стремительно меняющееся, но при этом реальное, воспринимаемое душой, дарующее ей неизъяснимые наслаждения. Счастье для юного Пушкина – это состояние, связанное со временем настоящим, с тем, что происходит здесь и сейчас, когда все в человеке сосредоточено на сиюминутном, когда прошлое уже не важно, а будущее ещё не интересно. Подобно восприятию характерно именно для молодости: *«...я молод, не пострижен / И счастьем нисколько не обижен»* [12, I, 13]; *«Блажен, кто веселится / В покое, без забот, / С кем в тайне Феб дружится / И маленький Эрот; / Блажен, кто на просторе / В укромном уголке / Не думает о горе, / Гуляет в колпаке, / Пьет, ест, когда захочет...»* [12, I, 96–97].

Однако осознавая мимолетность счастья, Пушкин уже в ранней лирике обращает внимание и на то, что это миг (мгновение счастья) стремительно перемещается в прошлое, становясь невозвратным: *«Итак я счастлив был, так я наслаждался, / Отрадой тихою, восторгом упивался... / И где веселья быстрый день? / Промчался лётom сновиденья»* [12, I, 148]. Понимание краткости состояний счастья заставляет лирического героя Пушкина сначала в ранней лирике, а позже и в зрелой попытке и убедить в этом других, что нужно эти мгновения ценить, наслаждаться ими, а не впадать в тоску от того, что их ни остановить, ни вернуть невозможно. Подобные размышления мы находим уже в стихотворении 1815 г. «Гроб Анакреона»: *«Смертный! век твой – сновиденье: / Счастье резвое лови, / Наслаждайся! наслаждайся! / Чаще кубок наливай, / Страстью нежной утомляйся, / А за чашей отдыхай»* [12, I, 166]. Пушкин как будто призывает: счастье мимолетно, главное, нужно успеть им насладиться: *«Настигнет ли его глухих Судеб удар, / Отъемлетя ли вдруг минутный счастья дар»* («Безверие», 1817) [12, I, 244]. Потому своеобразным жизненным принципом лирического героя ранней

лирики Пушкина становится установка: *«Миг блаженства век лови»* (Блаженство», 1814) [12, I, 56].

Кроме того, размышляя о счастье, поэт уже в юности открывает для себя понимание того факта, что не всегда человек осознает, что он счастлив, отрывается ему это лишь спустя время, когда вернуть утраченное уже нет возможности: *«Я счастлив был, не понимая счастья»* («Князю А. М. Гочакову», 1817) [12, I, 255].

Как и другие романтики – В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Е. А. Боратынский [15, 38–100], А. С. Пушкин испытывает на себе влияние со стороны христианства. Обнаруживается оно, например, в языковых формулах, что используются поэтом в описании феномена счастья; так, он усваивает псалтырную формулу «Блажен, кто...» (об особенностях её использования в русской поэзии см.: [1]), но реализует её уже в новых контекстах. Примеры пушкинских формул: *«Счастлив, кто мил и страшен миру»* («В. Л. Пушкину», 1817), *«Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты»* («К другу стихотворцу», 1814), *«Ах! счастлив, счастлив тот, / Кто лиру в дар от Феба / Во цвете дней возьмет!»* («Городок», 1815), *«Счастлив, кто в страсти сам себе...»* («Элегия», 1816); *«Счастлив, кто близ тебя...»* («К*», 1818), *«И счастлив, кто разделит с ней...»* («К Родзянке», 1825), *«Счастлив, кто избран своенравно...»* (1828).

Обращаясь к Псалтыри, Пушкин словно хочет найти в этой книге, а через неё – в человеческом мире некоторые закономерности, условия, выполнение которых может сделать человека счастливым. Потому некой точкой отсчета становится псалтырная формула счастья/блаженства, описывающая причинно-следственные связи движения и обретения счастья, например: «Блажен (счастлив), кто помышляет о бедном!» (Псалтирь 40:2–3). Среди наиболее выразительных, отличительных в пушкинской лирике афоризмов, близких библейскому контексту, можно выделить такие: *«Блажен, кто в шуме городском / Мечтает об уединеньи»* («Из письма к кн. П. А. Вяземскому») [12, I, 117], *«Стократ блажен, кто может сном забыть / Вдали столиц, карет и петухов»* («Сон», 1816) [12, I, 186], *«Блажен, кто с юных лет увидел пред собою / Извивы темные двуххолмной высоты»* («К Дельвигу», 1817) [12, I, 246], *«Блажен, кто про себя таил / Души высокие созданья»* («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824) [12, I, 326], *«Блажен, кто молча был поэт / И, терном славы не увитый, / Презренной чернию забытый, / Без имени покинул свет!»* («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824) [12, I, 326]...

Кроме того, влияние христианства проявляется и в том, что Пушкин, как и упомянутые выше русские романтики, осознает значимость печалей и страданий в жизни человека, приходя к выводу,

что они заставляют человека ценить жизнь и осознавать, ощущать полноту счастья: *«Но всё ли, милый друг, / <...>/ Быть счастья в упоеньи? / И в грусти томный дух / Находит наслажденье: / Люблю я в летний день / Бродить один с тоскою, / Встречать вечерню тень / Над тихую рекою / Ис сладостной слезою / В даль сумрачну смотреть»* («Городок», 1815) [12, I, 104].

Но феномен счастья уже в юности представляется поэту не всегда понятным, а порой и парадоксальным. И обратившись к формулам Псалтыри, поэт пытался передать эти свои противоречивые ощущения от соприкосновения с миром счастья: *«Счастлив, кто мил и страшен миру»* [12, I, 29]; *«Кто счастье знал, уж не узнает счастья, / На краткой миг блаженство нам дано: / От юности, от нег и сладострастья / Останется уныние одно»* [12, I, 42].

В словарях пушкинского времени слово «счастье» рассматривается как одно из значений состояния блаженства. Так, в словаре 1847 года зафиксировано, что блаженство – это «благополучие, счастье» [19, 60], в словаре, описывающем лексику XVIII века, понятие блаженство объясняется следующим образом: «1. Высшая степень благополучия, довольства, счастья. | О загробной жизни праведников в раю. В евангельской нагорной проповеди Христа – основные правила христианского нравоучения. 2. Титулование папы римского и русского патриарха» [18, 58]. В ранней же лирике Пушкина описываются ситуации, когда блаженство и счастье оказываются противопоставленными друг другу состояниями. Подобное, например, мы обнаруживаем в стихотворении «Мечтатель» (1815): *«Блажен, кто в низкой свой шалаш / В мольбах не просит Счастья! / Ему Зевес надежный страж / От грозного ненастья»* [12, I, 124].

Кроме того, неожиданно для себя лирический герой Пушкина обнаруживает не только созидательные, но и разрушительные, роковые для человека проявления счастья. Правда, подобная связь касается только одного человека, реально исторической личности – Наполеона, которому Пушкин посвящает многие свои стихотворения, например, «Наполеон на Эльбе» (1815), «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году», «Наполеон» («Чудесный жребий совершился») (1821). В них мы находим резко отрицательные характеристик счастья: «О счастье! злобный обольститель» [12, I, 117]; «погибельное счастье» [12, II, 214]. Можно предположить, что такие негативные оценки состояния счастья обусловлены не столько отношением к нему, сколько к Наполеону. С другой стороны, в подобной характеристике счастья просматривается и другой смысл. Счастье в этих стихотворениях

не имеет значения состояния высшего наслаждения, а соотносится с роком, судьбой, фатумом. Подобный ракурс рассмотрения категории счастья в лирике Пушкина отражен в «Словаре языка Пушкина» [20, 460].

Счастье уже в ранней лирике А. С. Пушкина предстает как очень сложное явление. Оно оказывается основным побудительным мотивом многих поступков человека, жаждущего обрести гармонию с собою и миром. Счастье для поэта ассоциируется и с процессами познания мира, и с чувственными удовольствиями; оно связано уже не только с наслаждениями, но и со страданиями, с покоем и с активностью. По сути, можно утверждать, что уже в раннем творчестве у Пушкина формируется особое отношение к счастью, о чём позже, в письме П. В. Нащокину в середине марта 1834 года, поэт напишет: «Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному» [13, 162]. Счастливым человек, как убеждает юный поэт, может стать, общаясь с друзьями, испытывая любовь к женщине, погружаясь в мир творчества. Счастье рассматривается поэтом в контексте земного бытия, это состояние, по мнению Пушкина, заставляет человека стремиться к лучшему, хранить в душе прекрасные моменты жизни, озаряя этими воспоминаниями вдруг ставший мрачным день сегодняшней. Пройдя увлечение гедонизмом, эпикуреизмом, эскейпизмом, молодой поэт вырабатывает свое собственное видение и понимание счастья. Счастье, по мысли Пушкина, – это не дар богов (как, это трактует его, например, Боратынский [2, 16]), это земное переживание, но которое, однако, приближает человека к миру божественному, идеальному.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII-XIX вв.: из истории формулы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 368–377.
2. Абрамзон Т. Е., Рудакова С. В. Концепция счастья в лирике Е. А. Боратынского // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 4 (16). С. 1–5.
3. Абрамзон Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. 2015. Вып. 1. С. 116–134.
4. Аристотель. Никомахова этика / Пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. С. 53–294.

5. Бахтин М. В поисках счастья. Религиозно-этические учения древности. Москва: Московский гуманитарный институт повышения квалификации и переподготовки кадров, 2005. 100 с.
6. Каштанова О. В. Счастье как философская категория в работах античных философов // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 3. С. 308–313.
7. Кошелева О. Е. Ракурсы «счастья» в России в XVII – XVIII веков // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. Москва: ОГИ, 2002. С. 108–117.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец Классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: В 39 т. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 21. С. 269–317.
9. Палеев Р. Аристотель об избирательном счастье // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 27–45.
10. Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 37–48.
11. Петрова Л. А. Тема счастья и радости в античной культуре и христианской традиции: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.00. Санкт-Петербург, 2016. 157 с. (13–66)
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
13. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: ГИХЛ, 1959—1962. Том 10. Письма 1831–1837.
14. Рудакова С. В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 49–75.
15. Рудакова С. В. Системность художественного мышления Е. А. Боратынского – лирика: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2014. 555 с.
16. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е.А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. Т. 108. № 4. С. 103–114.
17. Свенцицкая И. С. Счастье и горе у древних греков // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. Москва: ОГИ, 2002. С. 16–25.
18. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Ленинград: Наука, 1985. Вып. 2. Безпристрастный – Вейэр. 247 с.

19. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. 4 т. Т. 1: А–Ж. 1847. XXII, 416 с.
20. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. Акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-ое изд., доп. Москва: Азбуковник, 2000. Т. 4. С–Я. 1228 с.
21. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. Москва: Прогресс, 1981. Сост. и пер. с польск. Л. В. Коноваловой. 368 с.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Blazhen, kto...» v russkoj poeziji XVIII-XIX vv.: iz istorii formuly [“Blessed is the one who...” in the Russian poetry of the 18th – the 19th centuries: a history of the poetic formula] // Problemy istorii, filologii, kul'tury kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 3 (49). Pp. 368–377.
2. Abramzon T. E., Rudakova S. V. Konceptija schast'ja v lirike E. A. Boratynskogo [The concept of Happiness in Boratinsky's lyrics] // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo [Memoirs of Novgorod State University]. 2018. № 4 (16). Pp. 1–5.
3. Abramzon T. E. K voprosu o russkom schast'e (poezija XVIII veka) [To the question of the Russian happiness (eighteenth-century poetry)] // Libri Magistri. 2015. № 1. Pp. 117–125.
4. Aristotel'. Nikomahova jetika [Nicomachean Ethics] / Per. s drevnegrech. N. V. Braginskij // Aristotel'. Sochinenija: v 4 t. T. 4. Moscow: Mysl', 1983. Pp. 53–294.
5. Bahtin M. V. V poiskah schast'ja. Religiozno-jeticheskie uchenija drevnosti. Sankt-Peterburg: Niva, 2000. 303 p.
6. Kashtanova O. V. Schast'e kak filosofskaja kategorija v rabotah antichnyh filosofov // Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta. 2014. T. 17. № 3. Pp. 308–313.
7. Kosheleva O. E. Rakursy «shhast'ja» v Rossii v 17–18 vekov // Kazus 2002. Individual'noe i unikal'noe v istorii. Vyp. 4. Moscow: OGI, 2002. Pp. 108–117.
8. Marks K., Jengel's F. Ljudvig Fejerebah i konec Klassicheskoj nemeckoj filosofii // Marks K., Jengel's F. Sbornik sochinenij: V 39 t. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskij literatury, 1961. T. 21. Pp. 269–317.
9. Paleev R. Aristotel' ob izbiratel'nom schast'e [Aristotle on the selective happiness] // Filosofskaja antropologija [Philosophical anthropology]. 2018. T. 4. № 1. Paleev R. Aristotel' ob izbiratel'nom schast'e

[Aristotle on the selective happiness] // *Filosofskaja antropologija* [Philosophical anthropology]. 2018. T. 4. № 1. Pp. 27–45.

10. Petrov A. V. Fenomenologija «russkogo schast'ja» v trudah T. E. Abramzon i magnitogorskoj filologicheskoy shkoly po izucheniju russkoj poezii XVIII–XIX vekov [Phenomenology of "Russian Happiness" in the works of T. E. Abramzon and magnitogorsk philological school of studying russian poetry of the 18th-19th centuries] // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). Pp. 37–48.

11. Petrova L. A. Tema schast'ja i radosti v antichnoj kul'ture i hristianskoj tradicii: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.00. Sankt-Peterburg, 2016. 157 p.

12. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.

13. Pushkin A. S. Sobranie sochinenij: v 10 t. Moscow: GIHL, 1959–1962. Tom 10. Pis'ma 1831–1837.

14. Rudakova S. V., Regeci I. On studying the phenomenon of happiness // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). Pp. 49–75.

15. Rudakova S. V. Sistemnost' hudozhestvennogo myshlenija E. A. Boratynskogo – lirika [The systematics of artistic thinking of E. A. Boratynsky – lyrics]: dis. d-ra filol. n. Ekaterinburg, 2014. 555 p.

16. Rudakova S. V. Filosofija schast'ja v lirike E. A. Boratynskogo [Happiness philosophy in E. A. Boratynsky's lyrics] // *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Izvestia. Ural Federal University journal]. Serija 2: Gumanitarnye nauki. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114.

17. Svencickaja I. S. Schast'e i gore u drevnih grekov // *Kazus* 2002. Individual'noe i unikal'noe v istorii. Vyp. 4. Moscow: OGI, 2002. Pp. 16–25.

18. Slovar' russkogo jazyka XVIII veka / AN SSSR. In-t rus. jaz.; Gl. red.: Ju. S. Sorokin. Leningrad: Nauka, 1985. Vyp. 2. Bezpristrastnyj–Vejjer. 247 p.

19. Slovar' cerkovno-slavjanskogo i russkogo jazyka, sostavlennyy Vtorym Otdeleniem Imperatorskoj Akademii nauk. SPb.: Tip. Imperat. Akad. Nauk, 1847. 4 t. T. 1.: A-Zh. 1847. XXII, 416 p.

20. Slovar' jazyka Pushkina: v 4 t. / Otv. red. Akad. AN SSSR V. V. Vinogradov. 2-oe izd., dop. Moskva: Azbukovnik, 2000. T. 4. S–Ja. 1228 p.

21. Tatarkevich V. O schast'e i sovershenstve cheloveka. Moscow: Progress, 1981. Sost. i per. s pol'sk. L. V. Konovalovoj. 368 p.

THE PECULIARITY OF A. S. PUSHKIN'S IDEAS
OF HAPPINESS IN HIS EARLY LYRICS

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistics
and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The paper focuses on the analysis of A. S. Pushkin's ideas of happiness, which are reflected in his early lyrics. Pushkin's vitality and optimism determine his position on happiness. The study shows that the poet certainly takes into account the richest experience gained in world culture in interpreting the phenomenon of happiness, but even following others, the poet forms his own vision and understanding of happiness, which is reflected in his work. This study analyzes the poems in which young Pushkin's fascination with hedonistic philosophy manifests itself. The components of epicurean happiness for the poet's lyrical hero are considered: the cult of friendship and sensual pleasures, recognition of the power of wine, an enthusiastic discussion of art with friends, freedom from external conventions, ignoring the significance of wealth, career, social status, the ability to create, the understanding that happiness is not in the material world. It is logical that Pushkin's hero finds happiness not in a secular city, where everything obeys conventions, but in the world of rural peace. Pushkin's philosophy of escapism is determined by the influence of ancient philosophers, European and Russian enlighteners, and early Russian romantics. Happiness seems to Pushkin a rapidly changing state. Accepting the fact of fleeting happiness makes Pushkin even more appreciate this state, as well as life itself. Pushkin's ideas of happiness were also influenced by Christian culture, which determines the appearance of the category of suffering in his thoughts about happiness, as well as the appeal to the formula "Blessed is he who ..." Pushkin also correlates happiness with destiny. For Pushkin, happiness is primarily not a gift from the gods, it is an earthly experience that encourages a person to act, becoming the goal of his aspirations.

Keywords: Pushkin, lyrics, antiquity, Christianity, hedonism, epicurism, escapism, happiness

Для цитирования: Рудакова С. В. К вопросу о своеобразии представлений А. С. Пушкина о счастье в его ранней лирике // Libri Magistri. 2020. № 4. С. 106–118.

Поступила в редакцию 21.10.2020